

Александр Куприн

Последние рыцари

Александр Куприн
Последние рыцари

«Public Domain»

1934

Куприн А. И.

Последние рыцари / А. И. Куприн — «Public Domain», 1934

«Подобно тому, как прирожденный всадник связан неразрывно телом и духом со своей породистой лошадью, идущей на ирландский банкет, – был связан капитан князь Тулубеев со своим эскадроном, своим полком и со всей славной русской кавалерией. Репутация его, как прекрасного всадника и как человека чести, была уже прочно установлена. Еще будучи «зверем» в петербургской кавалерийской школе, он вызвал на дуэль одного из товарищей, остзейского барона, позволившего себе неосторожно сказать, что татарские князья годны только на то, чтобы служить в ресторанах и заниматься шурумбуромом. Дуэль состоялась. Противник Тулубеева был легко ранен в ногу, а сам Тулубеев был в наказание разжалован в солдаты, в пехотный полк...»

© Куприн А. И., 1934

© Public Domain, 1934

Александр Иванович Куприн

Последние рыцари

Подобно тому, как прирожденный всадник связан неразрывно телом и духом со своей породистой лошадью, идущей на ирландский банкет, – был связан капитан князь Тулубеев со своим эскадроном, своим полком и со всей славной русской кавалерией. Репутация его, как прекрасного всадника и как человека чести, была уже прочно установлена. Еще будучи «зверем» в петербургской кавалерийской школе, он вызвал на дуэль одного из товарищей, остзейского барона, позволившего себе неосторожно сказать, что татарские князья годны только на то, чтобы служить в ресторанах и заниматься шурумбуромом. Дуэль состоялась. Противник Тулубеева был легко ранен в ногу, а сам Тулубеев был в наказание разжалован в солдаты, в пехотный полк.

За два года такой опалы Тулубеев, от нечего делать, отлично подготовился к экзамену для поступления в Академию генерального штаба и, после помилования, безукоризненно выдержал его. У него хватило терпения блестяще окончить оба академических курса, ибо по натуре своей был он человеком, не любившим больше всего недоделанных дел, но, получивши почетный диплом, он тотчас же запросился назад, в свой возлюбленный Липецкий драгунский полк. Напрасно милый генерал Леер, тогдашний начальник академии, всеми силами старался убедить Тулубеева не оставлять работы и службы в генеральном штабе, обещав ему высокую карьеру. Тулубеев сердечно благодарил добрейшего генерала, но отвечал постоянно:

– Кланяюсь вам земно, ваше превосходительство, и всегда буду помнить вашу науку, но что же я могу поделывать с собою, если меня, как в родной дом, тянет в мой Липецкий драгунский полк с его амарантовым ментиком и коричневыми чикчирами. Вот запоют господа офицеры «Журавля» и как дойдут до нашего полка:

Кто в атаке злы, как гунны?
Это – липецки драгуны, —

так сердце и затрепещет. Кажется, если бы умел, то заплакал бы.

Явившись в полк, Тулубеев первым долгом доложил начальству о том, что он отнюдь не намерен пользоваться той привилегией молодых академиков, которая давала им право на внеочередное получение следующего чина, в ущерб всем обер-офицерам. Такие великодушные отказы бывали необыкновенной диковиной в армии (если они вообще когда-нибудь бывали), и господа офицеры с удвоенным удовольствием оценили великодушную справедливость Тулубеева, не позволившего себе сесть на спины товарищей, и почтили его в собрании разлитым банкетом, на котором он не без юмора говорил об академии и о причинах своего ухода из нее.

– Что за черт! – говорил он. – Молодые люди тренируют себя, чтобы быть водителями планетарных армий, и ни один не умеет сесть на лошадь. Сидят на ней, как живая собака на заборе, при каждом удобном случае хватаются за луку и закапывают редьку в землю. Я их стыдил: «Как, мол, полководцу не уметь обращаться с лошадью?» А они цинично возражают: «В будущих войнах не останется места ни бутафорским эффектам, ни поэзии, ни роскошным батальным картинам, ни блистательному героизму легендарных белых генералов на белых конях, ни головокружительным военным карьерам, переворачивающим целые государства вверх ногами. Тайна победы будет принадлежать изобретателям – химикам, физикам и биологам, а выигрывать войну будут полководцы с холодным расчетом и железными нервами и с той деловой спокойной жестокостью, которая не пощадит женщин и детей и не оставит побежденному даже глаз, чтобы оплакивать свое горе». И дальше говорили эти доморощенные

Аттилы: «Ну-ка, подумайте хорошенько и скажите по совести: какую роль вы отведете самой отважной кавалерии в такой войне, когда эскадрилья бомбоносков способна будет в течение одной ночи разрушить в прах такой город, как Берлин или Лондон; когда разведка и командование обеспечены будут беспроволочным телеграфом; когда дивизии и корпуса будут перебрасываться на сотни верст с бешеной скоростью в колоссальных автомобилях; когда победители перестанут брать в плен сдавшихся; когда безмерные неприятельские зоны будут сплошь заражены чумой, холерой, столбняком, сапом и другими заразительными болезнями, бактерии которых годами, в ожидании войны, вращивали и распложили искусные бактериологи враждебного государства. Куда же при таких сверхчеловеческих условиях вы денете самую прекрасную, самую безумно отважную кавалерию?»

Дальше говорил корнет Тулубеев:

– Эти кабинетные колонновожатые, будущие русские Мольте, любили щегольнуть фразой, говорящей о беспредельной суровости власти и о безграничности кровавых военных мер, способствующих достижению успеха. Чаше всего они цитировали замечательное изречение великого французского генерала Бюжо: «Страшно подумать о том, на что можно отважиться на войне». Оттого-то в их современную науку побеждать входили страшные железные формулы и термины: «бросить в огонь дивизию», «заткнуть дефиле корпусом», «вялое наступление такой-то армии оживить своими же пулеметами» и так далее. Очень много говорили о психологии масс, но совсем забывали психологию русского солдата, его несравненные боевые качества, его признательность за хорошее обращение, его чуткую способность к инициативе, его изумительное терпение, его милость к побежденным.

Тулубеев нередко в разговорах с академиками заводил речь о кавалерийских рейдах, об этом сухопутном корсарстве, которое требует максимальной быстроты передвижения, неустанной отваги, железного здоровья, волчьей наблюдательности и братской связи между начальниками и подчиненными. Но вопросом о рейдах кавалерийских частей никто в академии не интересовался – ни профессора, ни слушатели. В библиотеке была книга генерала Сухомлинова «Рейд Стюарта», и Тулубеев добросовестно принудил себя прочитать ее до конца и только на последней строчке убедился в том, что даже нарочно, даже назло невозможно было бы написать на такую живую и увлекательную тему такую жалкую, бледную, скучную, ничтожную книжонку. Генерал Леер, начальник академии, человек образованный, умный, обаятельный, довел до сведения Тулубеева, что лучше всего изучать рейд Стюарта можно по знаменитой книге «Война Севера с Югом», напечатанной в Америке. «Книга эта, – говорил с почтением Леер, – одна из самых крупных по размеру книг во всем мире, и в продаже ее нет, но, заручившись вескими рекомендациями, а следовательно, и доверием в Вашингтоне, можно, пожалуй, получить разрешение прочитать ее в библиотеке Белого дома». Тулубеев поблагодарил сердечно добродушного генерала, решил про себя при первых же больших деньгах поехать в Америку. Но деньги как-то сами не приходили, рассчитывать на долгий служебный отпуск после двухлетней академии было невозможно. Бравый драгун вздохнул с облегчением и вернулся навсегда назад, в свой родной и славный Липецкий драгунский полк, и зажил в нем прежней жизнью, спокойной, привычной и милой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.